

霧ドミトリ

Туманов Дмитрий

檜毒

Кипарисовый яд

18+

Дмитрий Туманов

Кипарисовый яд

<https://litres.ru/74112953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда в маленькое похоронное бюро на берегу моря привозят тело для скромных похорон, никто не ждёт беды. Но крышка гроба слетает с петель.

Лучший друг умершего, Адам, не верит в случайность. Он начинает собственное расследование. Чем глубже он копает, тем яснее понимает: в тихом городе орудует убийца, и он гораздо ближе, чем кажется.

Мрачный детектив о смерти, вине и семье, которую мы выбираем сами.

Данная книга содержит сцены, связанные с употреблением наркотических веществ. Автор и издательство категорически осуждают незаконный оборот и употребление наркотиков. Все описанные эпизоды служат исключительно художественным задачам и призваны продемонстрировать разрушительные последствия зависимости.

Помните: наркотики разрушают здоровье, психику и судьбы. Никакая художественная литература не может служить оправданием их употребления. Если вы или ваши близкие

столкнулись с проблемой зависимости — обратитесь за профессиональной помощью.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Туманов

Кипарисовый яд

Пролог

Два человека шли по улице. Их путь освещали изогнутые стальные пруты. Тени суетились, прыгали вперед-назад. Разговор шел легкий, бытовой — почти как у старых друзей, хотя знакомы эти двое были недавно. Они прошли мимо набережной и завернули за угол — в небольшой многоквартирный дом. Дверь была не заперта, поскольку выходили они совсем ненадолго. Внутри свет был выключен, но один из них и без света точно знал, что и где находится. В полной темноте раздался звук тяжелых шагов — такой звук издают каблуки мужских сапог. Мужчина стоял, схватившись за сердце, и судорожно ловил ртом воздух. Он был уверен, что глаза открыты, но ничего не видел. Его слегка ткнули в плечо — этого оказалось достаточно, чтобы он упал. Кажется, это была кровать. Он никогда раньше не думал, что умрет в своей квартире, представлялось что угодно, но не это. Его не волновало сейчас, чей это был смех, кто толкнул его и что вообще происходит. В голове вспыхнуло. Он потерял созна-

ние и вскоре перестал дышать. В помещении остались только двое. Они обменялись рукопожатием, говорящим «дело сделано», и, не торопясь, вышли из квартиры, закрыв ее за собой на ключ. На душе у обоих зудило, но по разным причинам. Один из них сел в машину и жестом остановил второго.

— У старого дерева через неделю. Постарайся найти.

— Как ты себе это представляешь?

— Меня не волнует, это была твоя задача. Можешь ободрать обои, проверить мусорный бак, да хоть в толчке ищи, но найди.

Он повернул ключ зажигания и через секунду машина с глухим рычанием уже уезжала с места преступления.

Глава 1

1

Нежно-зеленый чайный отвар поблескивал в фарфоровых пиалах, обволакиваемый легкой дымкой, — день был покрыт серой пеленой. Солнце едва пробивалось сквозь облака, дальше — через витражи, и играючи бродило разноцветными лучами по низкому столику и лицам четверых, сидящих за ним. Особняк находился на берегу моря, черным надгробием возвышаясь над идеально ровным участком земли, огороженным невысоким забором. За окном стоял летний зной, но в стенах старого здания, как обычно, царила прохлада. Неважно, какая температура за бортом, — внутри всегда ровно семнадцать градусов по Цельсию. Объяснить такой феномен никто и никогда не пытался, все просто были тихо рады, заходя с лютого мороза в тепло, а с беспощадного пекла в бодрящую прохладу. Тем не менее утренний зеленый чай заставляет хорошенько пропотеть. Именно так, по мнению мистера Минцзе, должно начинаться утро и проходить день или даже вся жизнь — в поту, чтобы выгонять все лишнее. Был он мужчиной в возрасте, с длинной и худой седой бородкой, ходил всегда в самодельной соломенной шля-

пе и укороченном сером ханьфу. Над столом повисла змеиная тень — тонкая изящная рука потянулась за новой порцией чая — это была Нина, высокая молодая женщина с резкими чертами лица и волосами цвета пшеничного поля. Пронзающий взгляд ее голубых глаз впился в мистера Минцзе.

— Чай обязательно должен быть таким горячим? Может, стоит пить его со льдом?

— Ты что такое говоришь?! Он всего шестьдесят градусов! Ни в коем случае нельзя добавлять в него лед или, того хуже, сахар! — обычно умиротворенный, он всегда краснел и возбуждался, когда речь шла о том, как правильно пить чай.

— Да, сахар я бы тоже добавила. Хм, может, стоит вместо льда добавить холодного молока?

— Какое бесстыдство!

Практически каждое чаепитие Нина считала лишь поводом поиздеваться над мистером Минцзе, нельзя сказать, что это так уж веселило ее, но такое утро она сразу воспринимала как начало продуктивного дня, а сидеть без дела она не любила — в этом они были похожи.

— Если там будет молоко и сахар, то может, тогда положим туда палочки и уберем в холодильник в твоём кабинете, Нина? Наверняка получится вкусное-превкусное мороженое. Я права, дедушка?

— Ты тоже решила меня в гроб уложить, Ида? Уж поверь, для себя я такой сделаю, что даже ты будешь в восторге, ха-ха.

— Дедушка, я в восторге от всех твоих гробов, честно-честно. А все разы, когда я фыркала — это я просто Нине поддакивала, да! — она скривила рожицу и показала Нине язык.

— Всем-то ты пытаешься угодить, маленькая врунья.

— Вообще-то только себе, остальные и так все время довольные ходят.

— Это потому, что мы работаем с такой искусницей, как ты, золотце, — улыбнулась ей Нина. — Кстати, ты уже закончила тот венок, что у нас заказали вчера?

— Еще вчера и закончила, вот так вот. Между прочим, он получился даже лучше других моих венков, но мне все время кажется, что в нём чего-то не хватает. Дедушка, как

думаешь, может, там не хватает чайных листьев?

— Что же вы еще придумаете сделать с моим бедным чаем? А ты чего молчишь? — обратился мистер Мин к здоровяку слева.

— А что тут еще можно придумать? Они уже и сахар, и лед, и молоко добавили. Тут только... другой чай добавить остается. Или виски, чтобы совсем наркотический эффект получился! — Джош иногда выдавал слишком пугающие идеи, поэтому его старались лишний раз ни о чем не спрашивать. — Ой.

— Ну вас! Больше ни одного чайника не заварю! — закончил Мин.

Раздался звонок. Ида подошла к круглому телефону и сняла трубку:

— Похоронное бюро «Ликорис», слушаю вас очень внимательно.

— Здравствуйте... мы хотим организовать похороны... закрытый гроб... скромно... — женский голос то и дело срывался и прерывался на плач.

— Да, мы можем организовать похороны с закрытым гробом, скажите, в каком часу вы хотите подъехать? Сколько гостей ждать? Вам требуются дополнительные услуги? Венок, аренда траурной одежды, плакальщицы, посмертная свадьба, захоронение на нашем кладбище, последующая кремация, кремация-по-скандинавски, может, какая-то особенная музыка или...

— Нет! Послушайте, нам нужны очень скромные похороны.

— Хорошо, я вас поняла. Назовите имя.

— Джим.

— Я имею в виду ваше имя, на кого я записываю мероприятие?

— Ой... извините... — снова плач. — Мари.

— Хорошо, Мари, скажите, в каком часу вы планируете подъехать? Вам потребуется вывоз тела или вы привезете господина Джима сами?

Разговор с различными уточнениями продолжался еще какое-то время, запись вела Ида всего по двум причинам:

она умела и любила общаться с людьми, никто больше не умел или не хотел этого делать. До того как управляющий привел Иду к ним, этим нехотя занимался мистер Мин, но ему не очень нравилось слушать расстроенных людей больше необходимого. Венки они раньше заказывали у флориста, но часто приходилось доплачивать за срочность, и клиенты не всегда оставались довольны. Ида же обладала редким талантом чувствовать, какой именно венок хотят клиенты.

— Значит, закрытый гроб. Моя работа здесь особенно не потребуется? Беру выходной, съезжу, наверное, в город, куплю красок.

— Нина, ты же знаешь, босс не любит такое отношение к мертвым. Может, его и не увидят родственники, но выглядеть он должен как надо... Хотя бы примерно. — мистер Мин.

— Ты прав. Но в город я все равно съезжу. Я быстро. Ида вернулась к столу.

— Джош, ты тоже ездай, я записала адрес, надо привезти тело. И побыстрее убрать в холодильник — не то будет вонять. Фу!

— Так точно, капитан Косичка.

— Не зови меня так! Мне по возрасту уже не положено!
Мне уже одиннадцать!

— Но ведь у тебя такая красивая коса, как же тебя звать?

— Можешь звать меня просто Ида.

— Хорошо, капитан просто Ида.

— Нет! Не так!

Тело привезли и сразу отнесли в кабинет Нины, холодильники располагались именно там. Несмотря на час езды в черном катафалке по жаре, оно даже не начало пахнуть. Рассмотрев труп повнимательнее, Нина так и не смогла понять, почему заказали именно закрытый гроб — все было в порядке. Даже больше — тела еще не коснулось разложение. Если бы не серый оттенок кожи и полная симметрия лица, кстати, красивого, она даже не была бы уверена, что он мертв. На всякий случай Нина пощупала пульс и поднесла зеркальце к носу. Мертв, это точно. Она ввела формалин, зашила рот, чтобы тот позже не открылся от выходящих газов, и крикнула Джошу, чтобы принес гроб. Джош спустился по лестнице с гробом и повернул сразу в кабинет — клиенты сказали, что им «все равно, в каком ящике он будет лежать». Вместе

с Ниной они переложили тело в этот самый ящик, а затем Джош одним рывком поднял гроб на стол и накрыл крышкой.

— Гвозди сам будешь вбивать? Не станешь в этот раз звать старика?

— Нет, он показал мне, как надо, я много тренировался, так что все будет в порядке.

— В этот раз поверю тебе. Я пойду покурю — моя работа здесь больше не требуется: он и так выглядит как живой, даже пугает. Наверное, умер совсем недавно.

Джош насупил свое громадное круглое лицо.

— Ты что? — удивилась Нина.

— Та женщина сказала, что он умер несколько дней назад. И узнали об этом, только когда сосед заходил позвать его на пиво.

Нина задумалась. В прошлом она работала патологоанатомом, еще раньше — хирургом. Если тело пролежало в комнатной температуре хотя бы три дня, в кишечнике уже должны были активно размножиться бактерии, приводящие

к вздутию живота и других частей тела. Этого сейчас не происходило.

— Надо кое-что проверить.

— Ты же не собираешься проводить вскрытие? Нина, ты же танатопрактик, босс этого не одобрит.

— Танатопрактик. Выйди.

— Но...

— Уйди с моего рабочего места. — она стерла со лба капли пота и заколебалась. Точно ли ей надо вскрывать это тело? Что она собирается там найти? Впрочем, какой-то деревенский грузчик не сможет ее остановить, а к боссу он все равно не пойдет жаловаться.

Джош сразу погрузился, но больше спорить не стал и вышел из кабинета. В конечном счете его работой было просто переносить тяжести с места на место, а не вмешиваться в дела коллег. Даже если он считал их действия неправильными. Выйдя, он сразу направился на второй этаж, на кухню. Он знал, что в это время там никого нет, а значит, он сможет спокойно заесть свою грусть и никто не узнает, что он съел весь хлеб и выпил все молоко. На кухне было грязно, но

уютно: полок под посуду не было, поэтому она просто стояла на столешницах, у окна и даже на полу; мягкий послеполу-денный свет отбрасывал множество солнечных зайчиков от ложек и ножей, стулья с мягкой обивкой (все во вьевшихся пятнах) стояли в самых неожиданных местах, скатерть была вся в порезах и крошках от нежелания брать разделочную доску. Пространство и время застыло, кажется, этот бардак был здесь всегда, в тяжелом воздухе медленно летали маленькие комки пыли и пуха, придавая обстановке сходство с янтарем. Джошу сразу стало тепло на душе. Он отрезал себе большой ломоть хлеба, намазал его толстым слоем сливочного масла и слопал его в два укуса, запивая молоком и причмокивая.

— Знаешь, если бы ты не чавкал, я бы и не заметил, что ты тут. Так вот куда девается все масло.

Джош вздрогнул, но проглотил, прежде чем ответить.

— Простите, мистер Мин, я просто очень хотел есть. — он попытался сделать извиняющееся щенячье лицо, но попытка была такая неуклюжая, что выглядел он сейчас ну совсем по-глупому. — Я ничего не ел с самого утра, как поехал за телом.

— Правда? Нина сказала, что по пути ты дважды останав-

ливался около каких-то кафе, чтобы поесть. Так еще и сидел там чересчур долго. Даже ей не предложил, в машине ее оставил.

Джош покраснел.

— Да ладно, расслабься. Я тебя вообще-то для дела искал.

— Дело?

— Да, я сейчас закончил работу над новым надгробием. Решил поэкспериментировать с узорами и масштабом... В общем, плита получилась совершенно неподъемная. Мне нужно проверить, сможем ли мы ее утащить вдвоем.

— Без проблем. — Джош засиял. Он каждый раз был очень рад, что оказывался полезным. Хотя, если работы оказывалось слишком много, то ему это не нравилось.

Они вышли из кухни и прошли по коридору практически в соседнее помещение. В мастерской, как всегда, царил идеальный порядок. Почему на полу у мистера Минцзе никогда не было ни опилок, ни каменных осколков — оставалось одной из главных тайн бюро. На полу стола стояла статуя: из громадной гранитной плиты, богато украшенной резьбой так, будто какое-то существо вылезало прямо из камня.

— Это невероятно. — сказал Джош и, крепко обняв статую двумя руками, рывком поднял ее и повернулся к Мину.

— Вот это невероятно. Джош, откуда в тебе столько силы?

Тот снова покраснел и вернул статую на место.

Тем временем на первом этаже начинался траурный переполох. Несмотря на то, что люди в таких ситуациях ведут себя как можно скромнее и тише, ведь никто в полной мере не понимает, как надо себя вести, иногда случается и сума-тоха. Ида тщетно пыталась рассадить всех по скамьям в церемониальном зале.

— Простите, почему это я должен сидеть в самом дальнем углу, я его лучший друг!

— С чего эта дура заказала закрытый гроб?! А как же прощание с умершим?

— Мой бедный мальчик...

Уровень эмоционального конфликта постепенно подступал к черте, после которой контролировать ситуацию станет невозможно, и Иде пришлось прибегнуть к крайним мерам. Она выбежала из зала и, занырнув под лестницу к электро-

щиту, опустила рубильник. Окон не было, и резкое отключение света в и без того мрачной большой комнате сработало. Повисла гробовая тишина. Выждав нужный момент — когда люди начнут шептаться, — Ида включила свет и вернулась к гостям. Было несколько упреков и обвинений, брошенных кем-то в воздух, но большая часть собравшихся успокоилась. Ида закончила с рассадкой и пошла к Нине.

— Девочка, постой, пожалуйста. Мне твой голос кажется очень знакомым. — какая-то девушка с красными от слез глазами остановила Иду в коридоре.

— Вы Мари?

— Да.

— Мы с вами разговаривали по телефону. Я принимала вашу заявку.

Девушка смутилась. Этот ребенок?

— Но ты же совсем маленькая... — видимо, расстроенная этим фактом, девушка снова расплакалась.

— Пойдем. — Ида взяла Мари за руку и повела в комнату, ближайшую ко входу в бюро.

Комната была выполнена строго: темно-коричневые стены, потолок и паркет, простая, но качественная мебель из красного дерева и старый красный ковер прямо по центру комнаты. Девочка в невинном винном платье с волосами, заплетенными на манер венка, посадила опечаленную, грустную женщину в кресло и села напротив. Долго всматривалась своими большими янтарными глазами, а потом заговорила:

— Когда-то давным-давно, еще до твоих прапрапрадедушки и прапрапрабабушки, один человек задумался над смертью. Хорошо это или плохо? Он по природе своей был безэмоционален и потому думал беспристрастно. Понимая, что ни к чему не приходит, потому что слишком мало знает, — он позвал своего ученика.

«— Мне представляется, что смерть есть зло. — говорил ученик.

— Для кого? Для тех, кто умер, или для тех, кому предстоит умереть?

— И для тех, и для других.

— Если смерть — зло, то она — и несчастье?

— Конечно.

— Стало быть, несчастны и те, кто уже умер, и те, кому это еще предстоит?

— Думаю, что так.

— Стало быть, все люди несчастны?

— Все без исключения».

— Скажите, Мари, вы считаете, что все люди несчастны по определению?

— Нет... — женщина перестала плакать и только сидела, сосредоточившись.

— А мертвые?

— Нет. — уже увереннее постановила Мари.

— Значит, вы горюете о том, что потеряли близкого человека? Что не сможете больше взять его за руку, обнять, послушать его голос и...

— Да! Я плачу именно поэтому! — женщина повысила тон, на глаза снова навернулись слезы.

— Знаете, сколько людей ежедневно умирают и рождаются? Мир не сжимается в одну точку.

— Для меня сжался. Когда я узнала о смерти Джима, мир сжался до размеров моей квартиры... Квартиры, куда теперь никогда не сможет зайти Джим. Я осталась одна в этой квартире.

— Это одиночество — оно временное. Может, вы и не встретите никого, кто занял бы место Джима, но точно встретите кого-то, кто займет другое, может, даже более важное место. Если Джим может после смерти взглянуть, как вы тут, — не думаю, что ему будет приятно смотреть, как его близкий человек убивается в горе. Давайте я принесу вам чай, потом вы пойдете попрощаетесь с ним в последний раз и продолжите жить дальше? Ведь вы еще не умерли, для вас жизнь не остановилась. Я не буду говорить, что соболезную или понимаю, каково вам, потому что для вас это сейчас не важно.

— Ты правда считаешь, что это временное одиночество? — Мари вытерла слезы и вконец повеселела. Не в обычном значении этого слова, не так, чтобы у нее поползли вверх уголки губ, а так, что теперь слезы не собирались вытекать

из глаз, а чувства перестали бить прибоем по израненному сердцу.

— Правда. — девочка встала, поправила примятый подол платья и подошла к двери.

— Если у вас вновь возникнут трудности с принятием случившегося, то, пожалуйста, заходите ко мне в гости.

Ида вышла в коридор и жестом показала стоящим под лестницей Джошу и мистеру Мину, что все готово, церемонию прощания можно начинать.

Темно-серые стены, черный потолок с деревянными балками и такой же черный пьедестал для гроба, длинные ряды скамеек, мрачные люди, сидящие на них. Гроб был простым: без резьбы, без украшений, без краски и даже без лака, крышка заколочена, внутри — ни отделки, ни подушки, прямо на крышке стояла фотография с черной ленточкой и лежал маленький, простой, но невероятно красивый венок. Венки попроще лежали внизу около пьедестала, кто-то положил пару белых роз, кто-то — любимую футболку. За гробом стоял мистер Мин и произносил прощальную речь, призывающую каждого подойти и сказать последние слова по умершему. Кто-то шептал пару слов и садился на место, кто-то не справлялся с эмоциями и уходил из зала, кто-то — так и не встал со скамьи. Но одна женщина, что горевала больше

всех (так ей казалось), простояла над спрятанным от нее телом сына особенно долго. В конце концов, не выдержав напора скорби, она схватилась за крышку гроба и что есть мочи попыталась оторвать ее:

— Да как вы посмели лишить меня нормального прощания с моим мальчиком?! — на последних словах крышка подалась и с грохотом слетела на пол. Прибита она была хорошо, просто Джош ошибся с длиной гвоздей - те едва впивались в стенки...

Протяжным криком мать умершего разрезала тишину:

— У-у-у-у! Это не мой сын!

Люди повскакивали и один за другим хлынули разглядывать труп.

2

Утро было неприятным, назойливые лучи то и дело просачивались между плотными шторами прямо в лицо Гарольда. Сначала он отмахивался от них подушкой, словно от мух, потом отчаялся и решил для себя, что на сегодня выспался. Высокий мужчина поднялся с кровати, подошел к зеркалу и

принялся укладывать непослушные, черные как смоль, вьющиеся волосы. Заняло это добрых полчаса. Синяки под глазами настолько выделялись на ровном вытянутом лице, что Гарольд уже было подумал надеть темные очки. «Почему не дождь?» — вопрос, звучавший в его голове каждый раз, когда солнце заставляло его проснуться раньше ужина. Внизу слышался какой-то гам, потом прозвучал щелчок под лестницей, и шум стих. «Должно быть, Ида провернула свой коронный трюк», — он невольно улыбнулся. В тот далекий вечер, когда Гарольд увидел ее, сидящую под ливнем на городском причале, совсем одну, не знающую родных и друзей, он решил, что сотрудники в бюро о ней позаботятся. Но вышло так, что это она заботится о них, забирая на себя часть хлопот и разряжая обстановку вечными шутками. Кто-то хлопнул дверью прямо под комнатой Гарольда. Он нахмурился: за долгие годы затворничества и работы с одними и теми же людьми он научился хорошо различать звуки шагов и закрытия дверей, но прямо под ним находился кабинет Нины, и так она дверью не хлопает. Никто из его людей вообще не хлопает дверью, может, только Ида, но она сейчас должна быть занята рассадкой гостей. Он отложил эту мысль на полку в самом дальнем углу сознания. Пока что. Оделся, поднял с пола отчеты от Нины — она подсовывала их под дверь, убрал их в стопку других, таких же непрочитанных отчетов и собирался было сесть за книгу, но снизу послышалось отчетливое «Это не мой сын!». Это заставило Гарольда пере-

думать и, в кои-то веки, спуститься на первый этаж. Прямо за дверью он наткнулся на Иду:

— Сэр, там случилось странное-престранное. Все твердят, что тело в гробу подменили. О ужас, вам бы поесть! Совсем бледный стали! Когда в последний раз выходили из комнаты, уже и забыли, наверное.

— Ида, все хорошо, я нормально питаюсь, пойдем посмотрим, что там произошло.

— Там закрытый гроб и... женщина плакала, и потом другая, постарше, и...

— Пойдем.

Они спустились на первый этаж, где Джош испуганно вертел головой, пытаясь кого-то найти, а Нина, задумчиво облокотившись на стену, пыталась что-то понять - об этом говорили морщинки на ее обычно гладком лбу. При виде начальника они оба напряглись. Стоит отметить, что неспроста: сколько они его знали - Гарольд всегда был строг, на то причиной были обстоятельства знакомства с ними. Нину уже уволили из больницы за кражу различного рода препаратов, она жила на улице и пыталась тем, что удавалось добыть там же. А Джош... Он сбил Гарольда на угнанной маши-

не, но потом на руках нес десятки километров до больницы. Про мистера Мина вообще лучше не упоминать, история их знакомства не была известна никому, кроме них самих, но, когда кто-нибудь просил их рассказать, как это произошло, они резко менялись в лице и следующие минут пятнадцать вообще не разговаривали. Это оставалось для всех загадкой.

Возвращаясь к общему напряжению, царившему на первом этаже похоронного бюро «Ликорис», становится необходимым рассказать о самом виновнике происшествия, человеке, скончавшемся несколько дней назад от остановки сердца. Умер он прямо у себя в квартире, узнал об этом его сосед, когда заходил позвать товарища выпить. При жизни мертвеца звали Джим, сейчас его уже никто и никуда не звал. Остановка сердца была вызвана, как сказано в отчете судмедэксперта, «внезапным испугом», который сам по себе был бы безвреден, не будь у Джима ишемической болезни. Чем был вызван испуг, установить не удалось. Как ранее заметила Нина, следов разложения на теле не было: не было ни размножения бактерий, ни чего-то другого — будто Джим умер совсем недавно. И, даже если предположить, что он умер прямо перед приходом соседа, времени прошло достаточно для того, чтобы тело начало меняться. Закрытый гроб, как объяснила заплаканная молодая женщина — его девушка, нужен был не потому, что тело считалось обезображенным, а чтобы не травмировать друзей и родственников, чтобы они

запомнили его живым. И, несмотря на то, что гроб все-таки открыли, Джима все равно запомнят так, как и хотела его подруга.

Гарольд зашел в церемониальный зал и быстрыми, но тихими шагами направился к толпе. Та, словно почувствовав приближение чего-то страшного, начала расступаться.

Он поднял с пола фотографию Джима, перевел взгляд на тело в гробу и констатировал:

— Это не он. Прошу всех выйти из здания без паники, соблюдая спокойствие. Обещаю, мы во всем разберемся.

— Как вы могли так поиздеваться напоследок над моим сыночком?! Так его опозорить! Надо же, перепутать труп, какая халатность!

Гарольд смерил женщину долгим пустым взглядом, и вскоре она последовала примеру уходящих прочь людей. К боссу подошла Нина, лицо было бледным, губы синеватые, а в глазах читалась тревога.

— Мне нездоровится, хотела попросить больничный.

— В такой момент?

— Разбирательство займет какое-то время, если нужна

будет моя помощь - я в своей комнате. Не в больницу ведь отпрашиваюсь. Я правда очень плохо себя чувствую.

— Хорошо, но не уезжай никуда, тебя наверняка захочет допросить полиция.

Нина кивнула и молча ушла. Сил на разговоры не осталось, ноги были совсем ватными, а мысли путались. В последнюю неделю она чувствовала легкое недомогание, но сейчас либо резкий стресс, либо накопительный эффект — ее самочувствие резко ухудшилось. Ее тошнило, голова раскалывалась, и, кажется, теперь еще появился озноб. Она кое-как дошла до своей комнаты, закрыла за собой дверь на замки и повалилась на кровать.

Утром следующего дня, ровно в то время, когда сотрудники бюро обычно садятся пить чай мистера Мина, раздался громкий ритмичный стук в дверь. Ближе всех была комната Иды, потому и дверь открыла она.

— Добрый день, это похоронное бюро «Ликорис», мы откроемся через тридцать минут, вы можете подождать в моем кабинете.

— Привет. — на нее сверху вниз удивленно взирал молодой мужчина с густыми светлыми усами и бритой светлой головой. — Извини, но я не клиент... Прости, ты тут работа-

ешь? Это бизнес твоих родителей?

— Нет, я тут не работаю, нет, у меня нет родителей. Меня удочерил владелец этого бюро, и я немного помогаю по хозяйству. — Ида не сразу сообразила, что перед ней стоит полицейский, но успела опомниться и сказать так, как велел говорить Гарольд.

— Вы по поводу вчерашнего инцидента?

— Все правильно, я расследую это дело. Надеюсь, что к утру от бюро будет какое-то разъяснение ситуации и мне не придется ехать в такую даль, но увы.

— Разъяснения нет, вы не зря приехали, никто из бюро не знает, что произошло и как. Не стойте в дверях, пожалуйста. Я сейчас позову остальных.

Полицейский поднял голову и посмотрел на зловеще возвышающееся над ним черное здание, переступил через порог и последовал за маленькой девочкой в «ее кабинет». Видимо, она так называла свою, нужно сказать, довольно скучную для ребенка комнату. Он сел в твердое бархатное кресло с подлокотниками из красного дерева и без толики стеснения уставился на Иду.

— Как тебя зовут?

— Ида.

— Что думаешь о вчерашнем, Ида?

— Я на допросе? — с искренним любопытством спросила она.

— Разумеется, нет. Ты же совсем маленькая. Я просто интересуюсь.

— А, заходите издалека, потому что служебная этика запрещает допрашивать детей? Хорошо, я поняла. Я думаю, что господин Джим не был мертв, когда мы привезли его. Поэтому он просто встал и ушел.

— И куда же он тогда пошел, раз все его друзья и родственники были здесь? И откуда взялся другой труп?

— Вы не представились. Это, знаете ли, дурной тон.

— Ты права, извини. Просто я так удивился, увидев тут ребенка, еще и такого умного. Можешь звать меня Ливхарт. Это моя фамилия, но по профессии ко мне чаще обращаются так, чем по имени. Возвращаясь к теме — наверное, мне не

стоит разговаривать с тобой о случившемся, лучше подожду взрослых.

— Все в порядке, меня не расстраивают разговоры о мертвых. Я, знаете ли, делаю для них венки. Самые лучшие в мире! Хотите, покажу?

— Очень хочу, но давай чуть позже. Может, перед моим уходом?

— Хорошо. О, кажется, кто-то проснулся и идет сюда.

По лестнице торопливо спускался мистер Мин, подслушавший разговор. Он бодро перепрыгнул последнюю ступеньку, подошел к гостю и принялся внимательно рассматривать его.

— Здравствуйте, меня зовут Минцзе, давайте я расскажу вам все, что знаю о случившемся.

— Здравствуйте. Я весь внимание.

— Что же, как вам известно: тело мы привезли сами, было это почти в полдень. Затем наша танатопрактик провела все необходимые процедуры, рабочий заколотил гроб, и мы вместе занесли тело в зал, где уже сидели по местам все го-

сти. В конце церемонии прощания мать погибшего сорвала крышку, и оказалось, что тело подменили.

— Как ей удалось открыть заколоченную крышку гроба?

— Рабочий перепутал гвозди - они были слишком короткие и не удерживали крышку должным образом.

— Вы хотите сказать, что с момента привоза тела до момента запечатывания гроба видеть его могли только сотрудники бюро. Более того, работа шла непрерывно, и работники были рядом с телом все время?

— Получается, что так.

Мистер Минцзе, или мистер Мин, как его коротко все называли, был человеком честным, добрым, радушным и щедрым настолько, насколько это было возможно. Но, как и большинство людей, проживших так долго, он успел накопить немало скелетов в своем изящном, украшенном резными узорами самодельном шкафу. Нет, лучше сказать - в сейфе. Общение с госслужащими, а в частности - с полицией, стало для него чем-то вроде заваривания чая. Сначала ты знакомишься с ним: нежно дышишь теплым воздухом и вдыхаешь ответный аромат, рассматриваешь листья на предмет испорченности и по форме пытаешься понять, как

именно он ферментировался. Потом засыпаешь заварку в заранее подготовленную, прогретую посуду и промываешь от пыли водой, которая должна идеально подходить выбранному чаю по температуре, заливаешь, закрываешь крышкой — прям как с гробом, и, наконец, чай готов к тому, чтобы стать твоим лучшим другом на ближайшие пятнадцать минут. Но Адам Ливхарт не был готов. Это сначала насторожило мистера Мина, а потом навело на интересную мысль. Не перепутал ли он сорт.

— Вы не из полиции, верно?

Его поймали. Когда тебе в лицо бросаются такими фактами, отпираться смысла нет — только глубже себя закопаешь.

— Верно.

— Так кто же вы? Может, мне стоит вызвать настоящих полицейских и рассказать, что вы приходили и интересовались недавним происшествием? Как там принято считать? «Преступник всегда возвращается на место преступления»?

— Я объясню... — Адам ничуть не менялся в лице, видимо, готовый к тому, что его раскроют, он заранее обдумывал этот разговор. Может, даже репетировал его перед зеркалом в своей маленькой квартире. Квартире напротив той, где

скончался Джим. Такой же маленькой, с точно таким же зеркалом и остальной планировкой. Квартире, куда Адам Ливхарт заходил с четырьмя стеклянными бутылочками холодного пива каждую неделю в одно и то же время вот уже четыре года. Вскоре к разговору присоединился Джош — в виде слушателя.

— Может, разбудим босса и пусть он сам думает, а, девушка?

— Может, и стоит. — мистер Мин задумался. Ситуация, в которой они находились, была под контролем только потому, что полиция не торопилась с расследованием, давая бюро возможность самостоятельно объяснить случившееся. Как ранее заметил самозванец - сотрудники бюро все время были рядом с телом и в произошедшем так или иначе виноват кто-то из них. Пока они не поймут что, как и почему произошло, нельзя торопить полицию. Не к чему выносить сор из избы.

Зазвонил телефон.

— В любом случае, вам пора, мистер Ливхарт. Ждите официального заключения полиции. Джош вас проводит. Всего доброго.

— Похоронное бюро «Ликорис». Полный спектр посмертных услуг. Чем могу помочь?

Ида ответила на звонок, и рабочий день официально начался.

3

— Опиумный корень мандрагоры.

— Что?

— Корень мандрагоры. Похож на человека, много кричит. Я о вас. Первое, что я услышала, когда взяла трубку утром, когда вы позвонили - крик. Все по-разному переживают утрату, это нормально. Не обижайтесь, пожалуйста.

— А почему опиумный?

— У него такие свойства. А в вашем случае... вы трезвы сейчас?

— Я... подожди. Сколько тебе лет, говоришь?

Новый день, новая смерть. Она никогда не повторялась. Индивидуальный подход должен быть и к венкам. Такой профессионализм в одиннадцать лет, да еще и в самой мрачной сфере, какую только можно вспомнить, мог бы внушать страх, не будь люди в этот момент так расстроены. Но неопределенное чувство неестественности происходящего все же нависло леденящим фантомом над Робертом Уотерстоуном. Оно летало вокруг него назойливой мухой, словно хоронить через час должны были не его брата, а его самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.